

— Да, старшая молодая госпожа в последнее время болела, и всё это время за ней ухаживала госпожа Цзюньсинь. Ухаживала она замечательно, с большим вниманием, — сказала Байлань.

Жун Ань округлил рот.

— Вау!

Рядом Чжэн Цзюньсинь тоже проснулась от стука в дверь, сонно открыла глаза и увидела лицо невероятной красоты, которое было совсем рядом.

Лента для волос с ледяным подвесом уже упала, обнажив длинные ресницы. Она почувствовала слегка учащённое дыхание другого человека и долгий, пристальный взгляд. Медленно шевельнув ресницами, она открыла глаза.

— А-Лин, твои глаза... — она воскликнула.

Вчера только наложили лекарство, состояние глаз, должно быть, было ужасным. Наверное, её это напугало. Тан Линъи закрыла глаза, собираясь завязать ленту.

Но прежде чем она успела сделать это, кто-то опередил её. Лента с лёгким теплом коснулась глаз, протянулась к затылку и была завязана в свободный узел.

Раздался голос Чжэн Цзюньсинь, полный сострадания.

— А-Лин, твои глаза такие красные, наверное, очень больно? На ленте есть лекарство, я наложила её, чтобы тебе стало легче. Ничего страшного, лекарь сказал, что если вовремя принимать лекарства и делать примочки, всё заживёт.

Тан Линъи замерла. Аромат османтуса приблизился к её глазам, и в следующую секунду прохладный ветерок просочился сквозь ленту и достиг её взгляда.

— Когда-нибудь глаза А-Лин снова будут красивыми, — сказала Чжэн Цзюньсинь.

— Ты... ты не боишься моих глаз, а жалеешь меня? — голос Тан Линъи был сухим, и слова звучали немного резко.

Прежде чем Чжэн Цзюньсинь успела ответить, Тан Линъи крепко обняла её.

Когда Байлань и Жун Ань, не дождавшись ответа, открыли дверь и ворвались внутрь, они увидели именно такую картину.

— Приветствую старшую молодую госпожу, госпожу Цзюньсинь, — Байлань, казалось, ничуть не удивилась, поклонилась и спокойно объяснила. — Только что Жун Ань сказал, что ему нужно поговорить со старшей молодой госпожой, но мы долго не слышали ответа и подумали, что с вами что-то случилось, поэтому осмелились ворваться. Мы не хотели нарушать ваш покой, прошу старшую молодую госпожу простить нас.

Жун Ань на мгновение удивился, но быстро опустил на колени, сложил руки в кулак и признал свою вину.

— Да, всё так, как сказала госпожа Байлань. Но я всё же был слишком опрометчив, прошу старшую молодую госпожу наказать меня, я готов принять наказание!

— А-Лин... — позвала её Чжэн Цзюньсинь, её голос дрожал.

Тан Линъи стояла спиной к Байлань и остальным, поэтому Чжэн Цзюньсинь смотрела прямо на них.

Она отпустила её, вернув на лицо спокойное выражение, и сказала Байлань.

— Я слишком крепко спала и не услышала ваш голос, простите, что заставила вас волноваться. Байлань, иди в главный зал, приготовь чай и горячую воду, я скоро приду.

Байлань покорно кивнула и ушла готовиться.

— Жун Ань, с Хунмэй всё в порядке.

Услышав это, Жун Ань, стоявший на коленях, мгновенно успокоился, ожидая наказания от старшей молодой госпожи.

— Вы все мои доверенные люди, вы для меня как семья. Для меня, слепой, большая честь, что вы готовы следовать за мной.

Тан Линъи уже выбралась из-под одеяла и собиралась подойти к Жун Аню, стоявшему на коленях. Чжэн Цзюньсинь, заметив её намерение, быстро взяла её за руку и направила вперёд.

Она подошла к Жун Аню и присела на корточки.

— Жун Ань, пожалуйста, верь мне, я сделаю всё возможное, чтобы защитить вас.

Глаза Жун Аня покраснели, он с трудом сдерживал эмоции.

— Следовать за старшей молодой госпожой — это тоже наша честь!

— Но сегодня ты действительно был слишком опрометчив. Ты закончил обход?

— ...Нет.

— Наказание всё равно должно быть. Ты сам получишь двадцать ударов по ладоням, а после завтрака жди меня в главном зале. — Тан Линъи махнула рукой, отпуская его.

Когда Жун Ань ушёл, она повернулась к Чжэн Цзюньсинь.

— Ты ухаживала за мной несколько дней, ты, наверное, устала. Иди отдохни. Когда я закончу дела, ты сможешь вернуться.

Чжэн Цзюньсинь покачала головой.

— Ты всё ещё больна, я не могу оставить тебя одну.

— Байлань и Жун Ань здесь, со мной всё будет в порядке.

— Нет, я хочу сама следить за А-Лин! — Чжэн Цзюньсинь проявила упрямство, и никакие уговоры не могли её заставить уйти.

Тан Линъи пришлось сдаться.

После завтрака Байлань и Жун Ань уже ждали в главном зале. Руки Жун Аня были красными, что выглядело довольно устрашающе.

— А-Лин, руки Жун Аня выглядят ужасно, они все красные и в крови, — шепнула Чжэн Цзюньсинь ей на ухо.

Тан Линъи, чувствуя запах крови, распространившийся в воздухе, вздохнула.

— Жун Ань, неужели ты не мог сам перевязать руки после наказания? Не нужно быть настолько педантичным. Байлань, перевяжи ему руки.

Жун Ань поблагодарил её, но вежливо отказался от помощи Байлань, сам кое-как перевязал руки.

Тан Линъи махнула Байлань, чтобы та ушла, и вздохнула.

— То, что я сейчас делаю, действительно сопряжено с большим риском. Если вы не хотите участвовать, это вполне понятно. Но на этот раз не волнуйтесь, опасности нет, просто нужно доставить подарок и проверить кое-какие сведения.

— Жун Ань не должен был сомневаться, просто жизнь стала слишком спокойной, и я начал волноваться...

— Это я недодумала. Вы с Хунмэй любите друг друга, естественно, хотите спокойной жизни. Когда Хунмэй вернётся, я спрошу вас, хотите ли вы по-прежнему следовать за мной. Если да, то после окончания дел я позволю вам жить так, как вы хотите, и подарю вам несколько лавок для торговли. Если нет, я могу дать вам желаемую жизнь и лавки прямо сейчас. — Тан Линъи спокойно слушала звуки, доносящиеся с его стороны.

Жун Ань постоял несколько секунд, словно приняв решение, и сжал кулаки в знак благодарности.

— Спасибо, старшая молодая госпожа. Когда Хунмэй вернётся, я поговорю с ней.

Это означало, что он не хочет.

— Хорошо, — кивнула Тан Линъи, ничего больше не сказав.

— Кстати, старшая молодая госпожа, сегодня утром стражи обнаружили подозрительного слугу, который пытался что-то подсыпать в горшок с лекарством. Его уже схватили, ждут вашего распоряжения. — Лицо Жун Аня стало серьёзным. — Может, мы применим пытки, чтобы он выдал заказчика?

Подвеска на ленте для волос звенела на ветру, Тан Линъи медленно махала длинным веером из шёлка. Свободно расположившись, она сказала.

— Не нужно, просто разберитесь с ним. Тот, кто подсыпал яд, это либо Тан Линцзю, либо тот старый мерзавец. Кто бы это ни был, для меня нет разницы.

— Хорошо.

Проработав всё утро, после обеда Тан Линъи снова легла в постель, чтобы поправить здоровье. Чжэн Цзюньсинь по-прежнему сидела у её кровати, листая книгу.

Тан Линъи хотела спросить, что она читает, но подумала, что это, скорее всего, что-то вроде «Трёхзначных канонов» или сборника поговорок, и не стала спрашивать. Она спокойно проспала весь день.

В последующие несколько дней в усадьбе Юньюй ничего не происходило, и Тан Линъи могла спокойно отдыхать.

Но её удивило, что Чжэн Цзюньсинь, похоже, стала меньше зависеть от неё.

Несколько дней назад, лежа в постели без дела, она хотела поговорить с Туаньтуань, но, протянув руку, наткнулась на книгу.

— Туаньтуань, что ты читаешь? — ей стало любопытно, что за книга может так увлечь Туаньтуань, что она не может оторваться.

Стихи? Легенды? Альбомы с красавицами? Романы о любви?

Неужели это сборник историй о несчастных влюблённых?!

Тан Линъи была шокирована своей догадкой.

Чжэн Цзюньсинь, похоже, не услышала её, перелистнув страницу, прежде чем отреагировать.

— А, А-Лин, ты звала меня?

— Да, мне просто любопытно, что ты делаешь? — повторила Тан Линъи.

— Ничего особенного, просто обычная книга.

Чжэн Цзюньсинь никогда не умела врать, и её слова сразу выдали её. Тан Линъи сделала вид, что поверила, и сказала серьёзно.

— Тогда почитай мне её?

Её речь тут же стала ещё более сбивчивой, она заикалась.

— Я не знаю, как это читать, я только знаю, как это писать.

У Туаньтуань способности к письму были лучше, чем к речи, поэтому она писала больше, чем читала.

Неужели у Туаньтуань появились секреты.

— Ладно, — ответила Тан Линъи, она просто спросила от скуки, если сейчас она не скажет, позже она всё равно узнает.

Прошло ещё несколько дней, и под заботливым уходом Чжэн Цзюньсинь и других её здоровье быстро восстановилось, глаза больше не болели, красные прожилки исчезли, и на первый взгляд они выглядели как у обычного человека.

Вскоре наступил день свадьбы наследного принца.

Всю столицу украсили фонарями и красными лентами, все радовались предстоящей свадьбе будущего правителя страны. Конечно, в день свадьбы император приказал открыть амбары и казну, чтобы все жители столицы могли получить свою долю, разделив радость с народом, и это радовало их ещё больше.

<http://bllate.org/book/16867/1554168>